

Арсений ЕРМОЛОВ, кандидат исторических наук

ПЕРВЫЙ НАСТОЯЩИЙ УСПЕХ

Советские танковые войска в операции «Уран»

В победу под Сталинградом внесли свой вклад все рода войск. Пехота показала свою способность стойко обороняться и прорывать в наступлении оборону противника, а также вести бои в городе. Артиллерия — способность эффективно вести артиллерийское наступление. Авиация — поддерживать войска, в том числе при осуществлении прорыва обороны. Но не менее важен вклад танковых войска. Их роль в контрнаступлении под Сталинградом была особой, ключевой с точки зрения замысла операции. В стратегической наступательной операции «Уран» танковые войска выполняли две функции. Первая — непосредственная поддержка пехоты в ходе прорыва обороны противника. Вторая — действия подвижных войска в глубине обороны противника. Если первая из этих задач имела тактическое значение, то вторая представляла собой то звено, без которого вся операция теряла смысл.

Обе эти задачи были хорошо знакомы советской военной элите в теории. Ещё в начале 1930-х годов сформировалась концепция глубокой операции. Она опиралась на труды и разработки военных теоретиков В. К. Триандафиллова, К. Б. Калиновского и других¹. Положения этой концепции легли в основу Полевого устава 1936 года² и проекта Полевого устава 1939 года. Совещание командного состава РККА 23–31 декабря 1940 года показало, что в целом накануне войны военная элита по-прежнему мыслила себе будущую войну в рамках концепции глубокой операции. Такой вывод можно сделать на основании анализа докладов Г. К. Жукова «Характер современной наступательной операции» и Д. Г. Павлова «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв»³.

Концепция «глубокой операции» предполагала ввод в прорыв вражеской обороны и действия в её глубине мощных механизированных соединений, поддерживаемых авиацией. Эти соединения, состоящие из танков, мотопехоты и в некоторых случаях кавалерии, должны были расцезть группировку противника, нарушить её коммуникации и при наличии благоприятных условий окружить её. Другой их задачей был захват стратегически важных районов и срыв попыток врага создать новую линию обороны. Тем самым предполагалось достичь больших результатов, чем удавалось получить в наиболее успешных операциях Первой мировой войны, добиться продвижения на сотни, а не на десятки километров и нанести более существенные потери противостоящей группировке. На всех этапах «глубокой операции», начиная от прорыва обороны и заканчивая окружением и уничтожением противника, значительная, а подчас и решающая роль отводилась танкам. Они должны были поддерживать пехоту при прорыве обороны, они же должны были стать основой механизированных соединений, место которых в операции было ключевым.

Теоретические основы были хорошо проработаны. Хуже обстояло дело с практикой. Опыт войн и конфликтов, в которых принимали участие командиры Красной армии, скорее противоречил этим теоретическим построениям, чем подкреплял их. Только бои на реке Халхин-Гол могли рассматриваться как удачный пример успешного использования танковых войска в русле концепции глубокой операции. Но даже победа на Халхин-Голе стала результатом действия относительно небольших мобильных групп, а не полноценных соединений бронетанковых войска. Метания из крайности в крайность в вопросе организации бронетанковых войска в предвоенный период углубляли разрыв

между теоретическими построениями и реальными возможностями⁴.

В начальный период Великой Отечественной войны немецкие войска полностью завладели инициативой, диктуя место и форму проведения операций. Советское командование не могло использовать свои предвоенные наработки по проведению глубокой операции. Танковые войска использовались для нанесения контрударов, понесли тяжелые потери, не сумев при этом вырвать инициативу у противника. Попытки перехода к наступательным действиям, которые предпринимало советское командование на этом этапе, были плохо подготовленными и слабыми по привлеченным силам. Даже наиболее успешная из них, Ельнинская наступательная операция, не отличалась масштабным применением бронетанковых войска.

Высокие потери танков летом 1941 года, продемонстрированная в боях недостаточная эффективность организационной структуры, разочарование в предвоенных концепциях применения бронетанковых войска привели к радикальной перестройке всей их организационной структуры. Переход к бригадной организации означал отказ от предвоенных представлений о роли бронетанковых войска в наступательных и оборонительных операциях. Ограниченные силы и средства танковой бригады даже при условии полного укомплектования в соответствии со штатной структурой не позволяли ей решать крупные самостоятельные задачи. В ходе битвы за Москву новая организация показала свои сильные и слабые стороны. С одной стороны, бригады могли гибко действовать в обороне. Они были способны лучше взаимодействовать со стрелковыми дивизиями, чем прежние танковые дивизии. Но в ходе советского контрнаступления под Москвой ярко проявилась проблема неспособности танковых

бригад решать крупные задачи. Советские войска впервые смогли перехватить инициативу, но не имели достаточно сил и средств, адекватной организационной структуры для того, чтобы реализовать предвоенные представления о проведении наступательной операции. Многие благоприятные возможности были упущены в силу отсутствия у танковых войск Красной армии сильных самостоятельных соединений. Это не дало возможности превратить поражение немецкой армии под Москвой в такую катастрофу для противника, которая позволила бы прочно перехватить инициативу на советско-германском фронте.

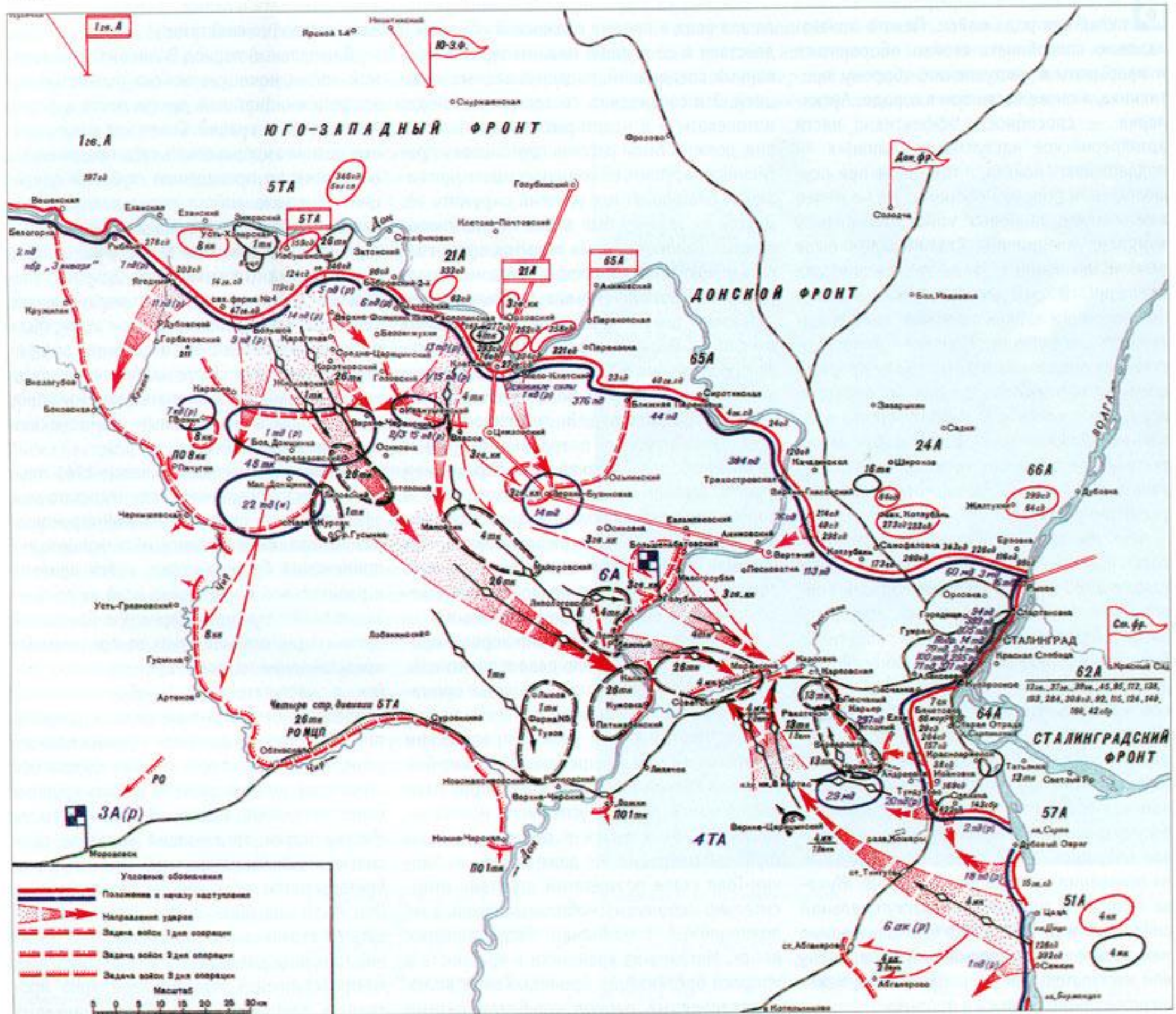
Опыт зимних боёв 1941–1942 годов не пропал даром. Весной 1942-го началась новая реорганизация танковых войск Красной армии, в ходе которой создавались самостоятельные соединения танковых войск — танковые корпуса бригадной организации. Это означало частичный возврат к довоенным представлениям о боевом применении тан-

ков. Вместе с тем новые танковые корпуса отличались от тех форм организации танковых войск, которые существовали в Красной армии накануне войны. Они имели значительно меньшую численность танкового парка, чем механизированные корпуса и даже чем танковые дивизии образца лета 1941 года (первоначальные штаты вообще предполагали наличие в корпусе всего 100 танков, но вскоре их численность была увеличена в полтора раза). В корпусах новой организации возросла доля пехоты и некоторых видов артиллерии, хотя по своему артиллерийскому обеспечению они по-прежнему значительно уступали немецким танковым дивизиям.

Новые концепции применения танковых войск и их организационные структуры были опробованы в боях весны–лета 1942 года. Показательными примерами попыток реализовать концепцию глубокой операции можно считать Харьковскую операцию мая 1942-го и Погорело-Городищенскую операцию в

августе⁵. Обе эти операции не увенчались успехом. В обоих случаях наступление начиналось успешно, советским войскам удавалось прорвать немецкую оборону и ввести в прорыв танковые корпуса. Но под Харьковом удар немцев по южному флангу барвенковского выступа привёл к окружению советской ударной группировки. События в районе Погорелова Городища развивались не столь трагично. В этом случае наступление советских войск было остановлено подошедшими немецкими резервами, главным образом действиями 1-й и 5-й немецких танковых дивизий. В целом операции показали, что сама концепция глубокой операции может быть реализована советскими войсками, но в более благоприятных условиях: при ином соотношении сил и средств, лучшей подготовке операции, более адекватной организационной структуре участвующих соединений.

Советское контрнаступление под Сталинградом стало ещё одной попыткой реали-

линградского — имелось шесть соединений бронетанковых войск: два мехкорпуса (4-й и 13-й, формально сохранивший название танкового) и четыре танковых корпуса (1, 4, 16-й и 26-й). Два корпуса (1-й и 26-й танковые) находились в составе 5-й танковой армии. Танковые армии были сформированы в СССР летом 1942 года и в ходе летних оборонительных боёв в целом не оправдали возлагавшихся на них надежд (в том числе неудачно действовала и 5-я танковая армия). Но им давался шанс на новую попытку доказать свою эффективность. 5-я танковая армия относилась к танковым армиям смешанного, а не однородного состава, включала в себя помимо двух танковых корпусов также кавалерийский корпус и четыре стрелковых дивизии. В дальнейшем от такой организации в советских танковых войсках отказались, перейдя к танковым армиям однородного состава. Но в конкретных условиях Сталинградской битвы использование танковой армии

звать эту концепцию. На этот раз условия оказались более благоприятными. Завязнув в боях под Сталинградом и на Кавказе, вермахт утратил стратегическую инициативу. Пользуясь этим, советское командование смогло тщательно подготовить своё наступление, выбрав оптимальные направления ударов. Более успешное и энергичное развёртывание военной экономики СССР по сравнению с Германией позволило накопить достаточное количество техники. На избранных направлениях ударов находились менее боеспособные румынские войска, а находившиеся в их тылу резервные подвижные соединения были менее мощными, чем те силы, с которыми пришлось столкнуться в предыдущих операциях. Против ударной группировки Юго-Западного фронта могли быть использованы 22-я немецкая и 1-я румынская танковые дивизии. При этом 22-я танковая дивизия в этот момент была одной из самых слабых в вермахте: она была организована только в конце 1941 года, и на её вооружении находились в основном устаревшие танки чехословацкого производства. Ещё ниже была боеспособность румынских танковых войск. Что касается ударной группировки Сталинградского фронта, то против неё могла быть задействована только немецкая 29-я моторизованная пехотная дивизия. Хотя она была значительно более опытным соединением, чем 22-я танковая, её сил было явно недостаточно, чтобы закрыть брешь, которая могла образоваться в результате развала румынского фронта.

Советское командование сосредоточило для проведения Сталинградской операции внушительные танковые силы — 1550 танков. Бронетанковые войска были представлены как оперативными соединениями, так и большим количеством отдельных частей.

Оперативные соединения были двух видов: помимо танковых корпусов в сражении должна была пройти проверку боем новая форма организации — механизированный корпус. От танкового корпуса он отличался в первую очередь значительно бóльшим количеством мотопехоты, а также несколько бóльшей штатной численностью танков. В целом мехкорпус был более крупным, устойчивым соединением, более приспособленным для самостоятельных действий. Но эта форма организации ещё не была как-либо опробована, а вступавшие в бой мехкорпуса не имели достаточно времени для структурной реорганизации, что, видимо, заставило командира одного из них, В. Т. Вольского, обратиться к Сталину с письмом, предостерегающим о возможной неудаче операции⁶.

Всего перед началом контрнаступления под Сталинградом в составе трёх советских фронтов — Юго-Западного, Донского и Ста-

смешанного состава представлялось оправданным, так как позволяло добиться лучшего взаимодействия войск при прорыве обороны и вводе подвижных сил в прорыв.

Во главе 5-й танковой армии стоял генерал П. Л. Романенко, один из самых опытных командиров танковых войск Красной армии. В 1930-е годы он служил в управлении механизации и моторизации РККА, командовал механизированной бригадой, танковым корпусом. На декабрьском совещании 1940 года он предложил создать в РККА танковые армии. Хотя это предложение не нашло тогда поддержки, Сталин обратил внимание на инициативного командира с оригинальными идеями, а когда настало время формировать танковые армии, вспомнил о нём. В мае 1942 года Романенко было поручено сформировать и возглавить 3-ю танковую армию. В августе–сентябре 1942-го эта армия участвовала в боях в районе Козельска, где

душих операциях, но всё равно не дотягивало до показателей, считавшихся оптимальными до войны — 40 танков на километр фронта.

На участке прорыва Юго-Западного фронта наступающие советские стрелковые дивизии действительно столкнулись с рядом проблем. В первой половине дня 19 ноября 1942 года их темпы продвижения оказались ниже, чем ожидало командование. Продвинувшись на 2–3 километра, они к 12 часам овладели первой позицией обороны противника, но не смогли прорвать вторую. Это вынудило командующего 5-й танковой армией Романенко приказать ввести в бой танковые корпуса до завершения прорыва обороны противника. Аналогично поступил и командующий 21-й армией И. М. Чистяков, приказавший ввести в бой в середине дня 4-й танковый корпус. Ввод танковых войск оказал переломное воздействие и привёл к быстрому развалу обороны противника. К концу дня корпуса 5-й танковой армии углубились в оборону противника

не добилась каких-то значительных побед, но на фоне неудач других танковых армий действия Романенко выглядели неплохо. В конце концов он не отдавал противнику территорию, а отвоевывал её, пусть и в малых масштабах. И что, пожалуй, ещё важнее, по итогам трёх недель кровопролитных боёв 3-я танковая армия хотя и понесла тяжёлые потери, но сохранила значительную часть сил и средств. Другие танковые армии летом 1942 года за такой период выгорали полностью. Поэтому не вызывает удивления то, что именно на Романенко было возложено командование 5-й танковой армией, которая должна была сыграть в планировавшемся наступлении ключевую роль.

Дальнейшая карьера в танковых войсках у генерала Романенко не заладилась. После Сталинграда он короткое время командовал 2-й танковой армией, а затем был назначен командующим 48-й армией, что для него как опытного танкиста было фактическим понижением. Возможно, тормозом в карьере Романенко стал его конфликт с командующим Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутиным⁷, что было особенно неприятно в связи с тем, что за спиной Ватутина стояла могущественная фигура начальника Генерального штаба А. М. Василевского. Волевому и резкому командарму не нравилось, что Ватутин отдаёт приказы корпусам 5-й танковой армии через его голову. В свою очередь, опытному штабному работнику Ватутину казалась неправильной манера Романенко управлять войсками, постоянно перемещаясь с передовыми подразделениями, ведь так командарм терял связь с командующим фронтом. Конфликт кончился тем, что по завершении окружения немецкой группировки Романенко был отстранён от командования армией.

Кроме танковых армий и корпусов в составе советских войск под Сталинградом имелось внушительное количество отдельных танковых частей: 15 танковых бригад, 7 танковых полков, 4 танковых батальона⁸. Можно считать, что организационно советские танковые войска под Сталинградом были примерно поровну разделены между оперативными соединениями и отдельными частями. Тем не менее такое количество отдельных танковых частей показалось советскому командованию недостаточным для выполнения их основной функции — поддержки пехоты при прорыве обороны. Поэтому из состава 4-го механизированного и 13-го танкового корпусов для непосредственной поддержки пехоты была выделена часть танков. В целом на участках прорыва была создана тактическая плотность танков непосредственной поддержки пехоты от 8 до 18 машин на километр фронта. Это было больше, чем в преды-

на 16–18 километров, а 4-й танковый корпус, продолжая движение ночью, вышел частью сил к Манойлину, продвинувшись в глубь обороны противника на 35 километров.

Несколько иначе складывалась обстановка 20 ноября на участке прорыва Сталинградского фронта, где атакующая пехота была усилена танками 13-го танкового и 4-го механизированного корпусов. Здесь подвижные соединения тоже были введены во второй половине первого дня наступления, но к этому моменту в 51-й армии стрелковые дивизии уже смогли расчистить для 4-го механизированного корпуса путь, а 13-й танковый корпус, действовавший в полосе 57-й армии, должен был уже не прорывать румынскую оборону, а бороться с подошедшими оперативными резервами — 29-й моторизованной дивизией⁹.

Следующим этапом сражения стало столкновение подвижных соединений в глубине обороны. Эти бои оказались для немцев и

румын неудачными. 22-я танковая дивизия в течение 20 ноября была разгромлена 1-м танковым и 8-м кавалерийским корпусами в ходе боёв в районе Песчаного. В это же время советский 26-й танковый корпус разгромил 1-ю танковую дивизию румын. 21 ноября танковые корпуса, переложив борьбу с остатками двух дивизий на плечи кавалеристов и подошедшей пехоты, возобновили наступление в юго-западном направлении. Всё, чего добились немецкое командование, — задержки наступления 5-й танковой армии на сутки. Что касается 29-й моторизованной дивизии, то 21–22 ноября 13-й танковый корпус нанёс ей поражение в боях в районе Наримана, но в дальнейшем она ещё сыграла большую роль в сражении, участвуя в построении южного фаса обороны немецкого котла. В целом этот этап сражения можно рассматривать как крупный успех советских танковых войск.

После него советские подвижные соединения, развивая первоначальные успехи, перешли к быстрому продвижению в глубину обороны противника, окружая 6-ю немецкую армию. В ночь на 22 ноября передовой отряд 26-го танкового корпуса под командованием полковника Филиппова внезапной атакой захватил мост через Дон у Калача. В тот же день 22 ноября 4-й механизированный корпус освободил посёлок Советский. С этого момента окружение 6-й армии стало свершившимся фактом, поскольку её коммуникации оказались перерезаны. Но соединение войск двух фронтов состоялось только в 16.00 23 ноября. Ключевое значение на данном этапе имела способность советских подвижных соединений к быстрому манёвру. Ведь немецкое командование не сидело сложа руки и собирало из войск, находившихся под Сталинградом, ударную группировку, которая должна была защитить коммуникации 6-й армии и предотвратить её окружение. Если бы Паулюс успел сосредоточить эти войска на западном берегу Дона в районе Калача, советское наступление застопорилось бы до достижения решительных результатов и победы под Сталинградом могло не быть. Счёт в этой гонке шёл на часы.

Танковые войска под Сталинградом сыграли решающую роль ещё в одном важнейшем эпизоде — в отражении предпринятой Э. Манштейном попытки деблокады 6-й армии (операция «Зимняя гроза»). Хотя срыв немецкого наступления принято связывать с вводом в сражение 2-й гвардейской армии, без участия в боях 12–23 декабря 13-го тан-

кового и особенно 4-го механизированного корпусов отразить наступление Манштейна было бы невозможно. В боях с советскими мехкорпусами ударная группировка немцев не только потеряла время, необходимое для прорыва к Сталинграду, но и понесла такие потери, что фактически утратила наступательные возможности. Это позволило 2-й гвардейской армии быстро перейти от обороны к наступлению, отбросив измотанного предыдущими боями противника. В декабрьских боях проявились сильные стороны организации советских мехкорпусов. Они показали себя устойчивыми соединениями, пригодными к выполнению самостоятельных задач как в обороне, так и в наступлении.

Особый интерес представляют действия 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского. После того как 12 декабря началось наступление немецкой армейской группы «Гот», корпус было решено перебросить для отражения немецкого наступления. В бой его части вступили 14 декабря. К этому моменту немцы успешно преодолели советский оборонительный рубеж в районе Гремячего и форсировали реку Аксай. Их главная ударная сила, 6-я танковая дивизия, выдвинулась к хутору Верхне-Кумскому. Сюда и был направлен корпус Вольского. В боях 15 декабря корпусу удалось отбросить немецкую дивизию за Аксай. Далее 16–19 декабря в районе Верхне-Кумского корпус вёл тяжёлые оборонительные бои с 6-й танковой дивизией, которую усилили сначала частью сил 23-й, а затем и 17-й танковой дивизией немцев. Фактически весь ударный потенциал армейской группы «Гот» был направлен против 4-го мехкорпуса. 19 декабря корпус Вольского из-за угрозы окружения оставил Верхне-Кумский и отступил за реку Мышковка. Несмотря на этот кажущийся успех немецких войск, в этот же день Э. Манштейн констатировал в своём донесении начальнику Генерального штаба сухопутных войск, что его ударная группировка не в состоянии своими силами добиться восстановления связи с 6-й армией.

В боях с рвавшейся к Сталинграду армейской группой «Гот» советские танковые войска продемонстрировали и умение организовывать оборону, и искусство наносить контрудары, избегая при этом катастрофических потерь. Следует особо подчеркнуть, что на этом этапе уже не было тех облегчающих борьбу факторов, которые помогали советским войскам в ноябре, когда им противо-

стоял слабый противник, а на их стороне были хорошая предварительная подготовка и эффект внезапности. На этот раз бои носили характер столкновения с превосходящей по силам и средствам ударной группировкой противника, состоящей из опытных и хорошо вооружённых соединений.

В целом Сталинградская битва стала триумфом советских танковых войск. Они показали свою способность решать серьёзные задачи. Более того, многие из этих задач были успешно решены впервые в истории Красной армии. Танки обеспечили прорыв обороны противника. Соединения танковых войск смогли преодолеть сопротивление оперативных резервов. Выйдя на оперативный простор, они смогли совершить быстрый бросок в тыл противника, окружив 6-й армию до того, как Паулюс успел выдвинуть достаточные резервы для защиты своих коммуникаций. Просто взглянув на план операции, можно увидеть, что именно действия танковых войск определили её рисунок.

Новые организационные формы наконец показали свою жизнеспособность. Механизированные корпуса, дебютировавшие в этом сражении, оказались мощными и эффективными подвижными соединениями. После серии неудачных боёв лета 1942 года успешно показала себя танковая армия, хотя и не однородного состава — с включением кавалерии и стрелковых дивизий. Всё это позволяло говорить о начале нового этапа истории советских танковых войск.

Участовавшие в операции «Уран» советские танковые и механизированные корпуса после сражения получили высокую оценку. Четырём из них был присвоен гвардейский статус: 4-й механизированный стал 3-м гвардейским механизированным, 13-й танковый корпус — 4-м гвардейским механизированным, 4-й танковый корпус — 5-м гвардейским танковым корпусом, 26-й танковый корпус — 1-м гвардейским танковым корпусом.

Самым важным оказалось то, что советская военная элита сумела воплотить в жизнь свою концепцию ведения войны. После долгих неудач и разочарований наконец появился пример действительно успешных и эффективных действий. Особенно важно это было для бронетанковых войск, на которые возлагались такие надежды и которые в предыдущих боях эти надежды не оправдывали. Наступление под Сталинградом стало прологом к будущим успешным наступательным операциям, в которых были воплощены те же идеи.

Примечания

1. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М. 1936; Калиновский К. Б. Что может дать механизация и моторизация в будущей войне? // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М. 1965; Он же. Проблемы механизации и моторизации современных армий // Там же.
2. Временный полевой устав РККА (ПУ-36). М. 1938.

3. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12. М. 1993.

4. Подробнее об организации подвижных соединений см.: Исаев А. В. Инструмент блицкрига // От Буга до Кавказа. Герман Гейер. IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года. Эберхард Макензен. От Буга до Кавказа. III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов. М. 2004.
5. Об этих операциях см. подробнее:

Галушко А., Коломиец М. Бои за Харьков в мае 1942 года // Фронтовая иллюстрация. 2000. № 6; Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. Наступательная операция 20-й армии Западного фронта в августе 1942 года. М. 1960.
6. История с письмом Вольского известна по воспоминаниям маршала Василевского: Василевский А. М. Дело всей жизни. М. 1976. С. 249–250.
7. Иванов С. П. Штаб армейский, штаб

фронтовой. М. 1990. С. 475–476.

8. Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. М. 2010. С. 491–494.

9. Боевые действия советских войск в ходе операции «Уран» хорошо описаны в ряде советских и современных работ, например: Самсонов А. М. Сталинградская битва. М. 1983; Куманёв Г. А. Сталинградская битва. М. 2007; Исаев А. В. Сталинград. М. 2008.